

ВОЗМОЖНО ЛИ ПОНЯТИЕ «КОНЦЕПТ»?

Е.В. Петровская
Институт философии РАН

Аннотация: В статье рассматриваются различные интерпретации термина «концепт», начиная с работы С.А. Аскольдова «Концепт и слово» (1928). Ее автор, толкующий концепт как общее понятие, отмечает такие присущие ему черты, как функция заместительства и потенция к совершению определенных действий. Речь идет о порождающей функции «мысленных общностей» в отношении «мысленных конкретизаций». В концептах в свернутом виде присутствует движение в сторону того, что уже неоднократно совершалось применительно к схожим явлениям. Далекий от представимости, концепт тем не менее необычайно действителен своей потенциальностью; с ней и связана его загадочность. В современных исследованиях культуры (Ю.С. Степанов, Д.С. Лихачев) концепт предстает концентрированным выражением культуры в сознании ее носителей. При этом вновь отмечается заместительная функция концепта (по Лихачеву, это «алгебраическое» выражение значения слова), а также наличие в нем разных уровней, или слоев, актуализация которых происходит в групповом общении (Степанов). Концепт, обладая в отличие от философских понятий подвижностью и транзитивностью, передает динамику становления субъекта внутри языка, а также ритм происходящих ныне масштабных перемен, в том числе и в сфере политического.

Ключевые слова: концепт, замещение, динамизм, потенциальность, Аскольдов, Степанов, Лихачев.

Введение

Ни для кого не секрет, что В.П. Макаренко является автором целой самостоятельной области исследований под названием «политическая концептология». При этом определение концепта, используемое для обоснования выбора и термина, и его производных, имеет по крайней мере два источника. С одной стороны, оно отсылает к интерпретации понятия С.С. Неретиной, а это главным образом идеи Абельяра с его различием *conceptus* и *intellectus* и представлением о схватывании смыслов вещи в речевом общении, откуда и высказанная речь, понимаемая как «концепт в душе слушателя» [Неретина 2010]. С другой стороны, мы обнаруживаем отсылку к американскому религиоведу Дж.Б. Расселу, анализировавшему христианское зло как конкретную форму насилия. Очевидно, что в концепте самому Макаренко импонирует широкая социально-историческая база использования таких образований, а также сочетание в концепте разных уровней мышления, иначе говоря, результа-

тов деятельности как сознательной, так и бессознательной. И хотя, говоря о политической философии, Виктор Павлович акцентирует нормативное мышление, отдавая предпочтение представителям аналитической традиции, тем не менее он исходит из того, что политические институты имеют социокультурную детерминацию, а стало быть, отнюдь не идеальны. Как прокладывать свой путь в этой несовершенной реальности – практическая задача, стоящая перед самими индивидами [см.: Макаренко 2009: 84–86].

И все-таки я хочу вернуться к термину «концепт», который является центральным в аналитическом аппарате Макаренко. Название моей статьи может показаться несколько провокативным, поскольку оно как будто ставит под вопрос изложенные выше положения. Однако моя цель отнюдь не в том, чтобы усомниться в предложенном Виктором Павловичем словоупотреблении, а в том, чтобы вернуться, так сказать, к началу и посмотреть, каким образом «устроен» концепт. Впрочем, тут же возникает трудность, связанная с тем, что начальную точку установить предельно сложно. И поэтому, не рискуя погрузиться в давний спор номиналистов и реалистов (в нем Виктор Павлович, боюсь, оказался бы не на моей стороне, а именно в лагере номиналистов, хотя, возможно, занял бы взвешенную позицию настоящего «*концептуалиста*»), так вот, не погружаясь в средневековые дебаты¹, хочу предложить начать рассмотрение вопроса с философско-лингвистической статьи С.А. Аскольдова «Концепт и слово», опубликованной в сборнике «Русская речь» в 1928 году.

Концепт в интерпретации С.А. Аскольдова: динамика потенциального

В мою задачу не входит подробное изложение содержащихся в этой статье положений. Скорее, речь идет о том, чтобы воспроизвести логику рассуждений, которой придерживается автор. Как философ Аскольдов задает предельно четкую рамку: для него концепт – это синоним общего понятия, или универсалии, если использовать средневековую терминологию. «Общее понятие, как содержание акта сознания, – указывает он, – остается до сих пор весьма загадочной величиной – почти неуловимым мельканием чего-то в умственном кругозоре, происходящим при быстром произнесении и понимании таких слов, как “тысячеугольник”, “справедливость”, “закон”, “право” и т. п.» [Аскольдов 1928: 28]. Аскольдов тут же подмечает, что проблема познавательных концептов (как он будет называть их в дальнейшем) осложняется исследованием эмоционального воздействия искусства слова, воздействия, превосходящего то, что можно свести к одному лишь эстетическому опыту. И в области знания, и в словесном искусстве дает о себе знать «нечто», в чем, по его убеждению, и будет заключаться «основная ценность» [Там же: 29]. Пытаясь формализовать эту зыбкую материю, исследователь как раз и предлагает различать два типа концептов – познавательные и художественные. Его усилие направлено на то, чтобы уловить как «поэтический» момент познавательных концептов, этих «общих представлений» и «понятий» (то, что питает в них иррациональную поэзию), так и общность концептов художественных, которые на первый взгляд кажутся предельно индивидуальными. Проблема, поставленная Аскольдовым, коротко передается так: загадочность обсуждаемого явления состоит в обоих случаях в том, что хотя при использовании концептов не возникает ни познавательных «представлений», ни конкретных «образов», мы сталкиваемся с тем, что воздействует – можно сказать, прямым, материальным способом. Вопрос в том, как это происходит.

Прежде всего, Аскольдов отмечает в концепте его заместительную функцию: «Концепт, – указывает он, – есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Там же: 31]. Однако если концепт, вбирая в себя набор общих черт, а иногда и вовсе превращаясь в «схематический

¹ В качестве введения в эту увлекательную полемику можно обратиться к книге Ф.Ч. Коплстона «История средневековой философии» [Коплстон 1997].

чертеж многих сходных предметов» (как, например, в утверждении «там люди мокнут под дождем»), лишен какой бы то ни было представимости, или изобразительности, то вопрос о его природе по-прежнему остается открытым. В самой заместительной способности Аскольдов предлагает видеть *потенцию* к совершению того или иного действия. При этом такая потенция проявляет себя по меньшей мере двояко: это либо знаки, показывающие, что «я нечто могу или хочу», либо собственно первое движение – «*primum movens*» – в деле исполнения намеченного. Снять шляпу перед знакомым (знак вежливости) вовсе не то же, что угрожающая поза, занятая в отношении противника, в которой заявляет о себе не что иное, как исходная форма действия [Там же: 33]. Но и в мышлении «мысленные общности» становятся порождающими в отношении «мысленных конкретизаций»; таковым является понятие справедливости как «зачаточный акт-потенция» в отношении набора мыслительных операций «над представлениями конкретных человеческих поступков...» [Там же: 34]. Аскольдов полагает, что само понятие, например все той же справедливости, представляет собой *точку зрения* на ту или иную множественность представлений и последующую готовность к их обработке с этой точки зрения, в данном случае этической. Точка зрения и выражает *общность* понятия, так как она распространяется на множество конкретностей определенного «рода». Однако не означает ли это, что сначала этот «род» нужно знать, иными словами, заранее понимать, какие именно предметы подлежат абстрагированию? Нет, отвечает Аскольдов, и это потому, что мысль действительна (как мы бы сказали), то есть сама создает «родовое» из своего направленного интереса к одинаковому во многом внутри какой-нибудь «группы конкретностей». Такой тип единства как раз и обеспечивается единством точки зрения.

Описанный процесс относится к образованию общего понятия. Но это только предваряющая операция. Когда она завершена, тогда и начинается собственно «работа концепта» (так можно было бы ее назвать), работа, которая описывается у Аскольдова «мгновенным и трудноуловимым мельканием “чего-то” в нашем уме». Вот тут-то на авансцену и выходит «*primum movens*», или движение в сторону того, что уже неоднократно совершалось в отношении схожих явлений и что теперь свернуто – имплицитно присутствует – в названном движении. «Концепты, – подытоживает Аскольдов, – это почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей» [Там же: 34]. Хотя в привычной мыслительной работе акцент переносится с самих возможностей на фактическое их значение, Аскольдов отмечает, что само по себе подразумеваемое (или в его терминологии «имплицитарное») может иметь «чрезвычайно четкую динамическую структуру». Так, во взмахе руки пианиста уже содержится вся психофизиологическая динамика аккорда как движения, и это несмотря на то, что выражена она в «иной динамической стихии» [Там же: 35]. В художественных концептах это проявляется с еще большей силой, поскольку в них «одна только динамическая направленность к не данному и только потенциальному уже имеет самодовлеющую ценность». В самом деле, если ассоциативная связь элементов художественного концепта и подчиняется какой-либо закономерности, то это есть «закон индивидуального роста» [Там же: 38]. Тяготение художественного концепта к потенциальным образам, иными словами, к области значения, которая находится за рамками данного в нем содержания, Аскольдов передает простой формулой «и так далее» [Там же: 39]. Это движение, позволяющее воссоздать по части целое, притом что сама потенция, особенно в художественно-эмотивных концептах, становится определяющей. Не случайно основным признаком любых концептов, как познавательных, так и художественных, является то, что они суть «эмбрионы мысленных операций» [Там же: 36], содержащих в себе в свернутом виде энергию самораскрытия и даже последующего расширения. Аскольдов приходит к общему выводу о том, что загадочное в природе концепта как раз и сводится к понятию *потенциального*; в самом этом понятии он выделяет его активный момент, то есть движение или направленность, характеризующие определенный тип действительности [см.: Там же: 43]. Не будет преувеличением сказать, что налицо своего рода двойное движение: концепт, как его понимает Аскольдов, – это точка встречи мышления и внешнего мира, что приводит к их взаимной трансформации.

Концепт в современных исследованиях культуры

С идеями Аскольдова выкладки современного теоретика языка и лингвиста Ю.С. Степанова резонируют хотя бы в той их части, которая касается строения концепта. Надо сказать, что для Степанова концепт и понятие являются терминами разных наук; если понятие относится прежде всего к логике и философии, то концепт, происходящий из математической логики, в последнее время все больше применяется в таких областях, как культурология и, уже, психолингвистика. Часто приводимое определение Степанова гласит: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2004: 43]. Можно также вспомнить понятие «идеосферы» Д.С. Лихачева, охватывающее культурный опыт индивидов; к его соображениям я еще вернусь. При этом, как отмечает Степанов, через концепт возможен и обратный процесс влияния человека на культуру. Как бы то ни было, в структуру концепта входит этимология слова, далее, история, «сжатая до основных признаков содержания», современные ассоциации, оценки и т. д. [Там же]. Пример, приводимый Степановым, прост и в то же время нагляден. Это утвердившиеся в нашем обществе праздники 23 февраля и 8 марта, причем первый имеет статус «праздника мужчин», а второй – «праздника женщин». Однако если внимательнее рассмотреть в этот концепт (именно так толкует Степанов данные парные праздники), то в нем обнаружатся разные уровни, или слои. На поверхностном уровне это «двойной концепт» двух гендерно означенных праздников, что, добавлю от себя, все больше окрашивается в новообретенные патриархальные тона. На следующем уровне – он составляет так называемый пассивный компонент концепта – обнаруживается происхождение этих дат, а именно День Советской Армии и Международный женский день. Наконец, неосознаваемой «внутренней формой» концепта является далекий горизонт исходных исторических событий: победа Красной Армии под Нарвой и Псковом в феврале 1918 года, связанная с вытесненным из официальной советской риторики именем Л.Д. Троцкого, и инициатива возглавлявшей женский секретариат Коминтерна Клары Цеткин по установлению 8 марта в качестве праздника, символизирующего международную борьбу за женскую эмансипацию. Этот этимологический слой, доступный главным образом исследователям, является, однако, той прочной основой, на которой держатся все прочие слои значений. Пассивные признаки концепта, поясняет Степанов, актуализируются при общении людей, но только если общение имеет место внутри определенной социальной группы. При такой интерпретации концепт демонстрирует прежде всего своеобразную *экономю мышления*. Замечу, что слои концепта у Степанова с их разной степенью актуализации и/или «компрессии» [Там же: 45, 48] перекликаются с имплицированием у Аскольдова. Точно так же в концепте улавливается открытое, длящееся взаимодействие с его социокультурным контекстом.

Размышления Д.С. Лихачева примечательны тем, что он прямо отталкивается от идей Аскольдова, изложенных в статье, посвященной концепту. Воспроизводя основные положения этой работы, ученый предсказуемым образом останавливает свое внимание на замещающей способности концептов, которую сам Аскольдов трактует весьма широко: замещаются не только реальные предметы, но и отдельные их стороны и даже мыслительные функции, как это происходит в математике. Лихачев отмечает и потенцию к замещению, чья ответственность обусловлена тем, что без нее нет налаженного языкового общения. Полемика Лихачева с Аскольдовым касается не замещающей функции – эта мысль представляется ему вполне бесспорной, – а области применения концептов: по Лихачеву, «концепт существует не для самого слова», а «для каждого основного (словарного) значения слова отдельно...». Из этого вытекает представление о концепте как об «алгебраическом» выражении значения, «которым мы оперируем в своей письменной и устной речи», ибо охватить весь объем значения просто невозможно. Сюда же примыкает и дополнительная функция интерпретации, на

которую как раз и влияет культурный опыт индивидов [Лихачев 1999: 150]. Ученый настаивает на том, что концепт является «результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Там же: 151]. Вот тут и возникает понятие «идеосферы», учитывающей подобный опыт, равно как и степень культурной осведомленности его носителей. Линия Аскольдова подспудно продолжена Лихачевым и в том, что касается трактовки потенции концепта к расширению: значение расширяется благодаря таящимся в концепте возможностям для «сотворчества, домысливания, “дофантазирования” и для эмоциональной ауры слова». В этом смысле его можно толковать как «послание» (message), обращенное к другому, притом что рецепция такого «послания» определяется контекстом [Там же: 152]. Замечу, что у Аскольдова мы находим понятие «ассоциативных обертонов» применительно к выразительности поэтической речи; оно включает «образы, вещи, действия, чувства, желания». Все это он передает единым словом «настроение», указывая на динамику литературной образности, обусловленную процессуальным способом ее расшифровки [Аскольдов 1928: 42–43]. Кульминацией рассуждений Лихачева является вводимое им понятие концептосферы (по аналогии с неологизмами В.И. Вернадского). Любопытно, что и здесь слышны отголоски разработок Аскольдова: концептосфера – это совокупность *потенций*, открываемых в словарном запасе отдельного человека, как и в целом всего языка. Лихачев заключает: «Концептосфера какого-либо национального языка есть “catalogue raisonné” всего умственного духовного богатства нации» [Лихачев 1999: 153, 165].

Мы видим, что само понятие концепта в его нынешнем употреблении имеет тенденцию захватывать все более обширные сферы функционирования культуры. Стоит ли удивляться тому, что В.П. Макаренко использует его применительно к политике. Могу предположить в предварительном порядке, что исследователей волнуют два важных аспекта, присущих концепту: его заместительная или, если угодно, компрессионная функция², включенная в поток коммуникации, а также то, что можно было бы назвать его аффективной составляющей («эмоциональная аура слова», «художественно-эмотивные концепты», «настроение» и т. п.). Вполне очевидно, что именно это измерение связано с представлением об определенной динамике, которая трактуется как неотъемлемый признак концептов. Мы помним, что у Аскольдова концепт есть некая общность, не совпадающая с индивидуальным представлением; для него это специальный психофизиологический механизм, позволяющий взаимодействовать с миром [Аскольдов 1928: 31, 43]. При этом динамика концепта есть не что иное, как сама его структура, обнаружение (раскрытие) которой зависит от сугубо внешних обстоятельств. Собственно, эта структура и принадлежит, если разобраться, внешнему, и это не зависит от того, как понимается концепт – как слово или же значение. В самом деле, язык и есть то безусловно внешнее, которое и формирует субъект до того, как тот сможет заявить о «самости» или притязать на таковую. С другой стороны, заключенная в концептах эмотивность свидетельствует о разделяемых аффектах, а не о психологических переживаниях отдельных индивидов. Именно потому, что это динамические («имплицитарные») структуры, указывающие на неизвестный прежде опыт восприятия, произведения воздействуют не индивидуально, но расширительно и с точки зрения аудитории, к которой их «послание» обращено. Завершая краткий обзор существующих подходов к концепту и намеченных рабочих дефиниций, обратимся к предостережению, которое мы находим у влиятельного отечественного философа В.А. Подороги (напомню, что с ним на почве философии политики когда-то тесно сотрудничал Макаренко). Подорога не занимался специально этим вопросом, однако на определенном этапе своей философской работы почувствовал необходимость формализовать метод, применявшийся им в исследовании обширного корпуса произведений литературной классики и современности; одним из инструментов своего анализа он называет концепт. Вот к какому он приходит заключению: «Если концепт наделяют качествами, которые свойственны понятию, то появляется понятие концепта, но сам он остается неопределенным; возможным

² «Повторяю: концепт имеет смысл своего существования в “подстановочной” роли в языке» [Лихачев 1999: 155].

и действенным он становится лишь тогда, когда применяется. Напротив, как только из него делают постоянную языковую, “ментальную” форму (наподобие “универсалии”, “константы”, “типа” и т. п.), он перестает существовать в качестве концепта». Как и Аскольдов, Подорога акцентирует в концепте то, что относится к актуальному времени восприятия явления. Именно поэтому концепт и предстает как «некий росчерк, быстрая подпись под подвижным, меняющимся образом...» [Подорога 2014: 68]. Словом, как нечто случайное, более того – безразличное к сущности.

Заключение

Какие можно сделать более общие выводы из предложенного выше рассмотрения? Я не буду настаивать на том, что, подобно кантовскому схематизму, концепт – это скрытое в человеческой душе искусство, хотя утверждения о его загадочности во многом к этому располагают. Если уж и проводить аналогии, то скорее можно говорить о «допонятийном мышлении-образами» (preconceptual thinking-in-images), формуле, выведенной американским теоретиком культуры Фредриком Джеймисоном применительно к утопии, которая, собственно, и позволяет дать литературное выражение возможному [Jameson 2008: 399]. В любом случае концепт отличается от понятия своей подвижностью и транзитивностью. Схватывая переменчивый мир, концепты сами находятся в состоянии постоянного движения; как замечает Подорога, «концептами “схватывается” богатство объекта, его “избыток” и “чрезмерность”» [Подорога 2014: 71]. Интересно, что три слова в этой короткой цитате – «схватывается», «избыток» и «чрезмерность» – поставлены в кавычки, как будто ни одно из них не может точно передать то, что хотел бы сообщить нам автор. В самом деле, «схватывание» (образование единства из многообразия чувственного опыта) – это прерогатива понятия, тогда как «избыток» и «чрезмерность» суть своеобразные индикаторы того, что внешнее (у Подороги – объект) бросает вызов нашим познавательным способностям. Сегодняшний мир все чаще описывается с помощью концептов и все реже – посредством понятий. Если усматривать здесь некую закономерность (а не простое засилье англицизмов), то за этим скрывается только одно: скорость происходящих перемен настолько велика, что классическое знание с его громоздким и ригидным аппаратом просто-напросто не успевает за ними. Концепты – это строительные леса, возводимые вокруг того, что само претерпевает изменения; это попытка попасть в ритм с органикой и пластикой происходящих у нас на глазах трансформаций. Не исключено, что сама психофизиологическая природа концептов (о чем Аскольдов размышляет напоследок) гомологична свертыванию и развертыванию материальных процессов, имеющих иные по сравнению с человеческим масштабы. Эти процессы, вне всякого сомнения, охватывают и сферу политического.

Аскольдов С.А. 1928. Концепт и слово. – *Русская речь*. – Вып. II / под ред. Л.В. Щербы. – Л.: Academia. – С. 28–44.

Коплстон Ф.Ч. 1997. *История средневековой философии* / пер. с англ. И. Борисовой; науч. ред. и послесл. М. Гарнцева. – М.: Энигма. – 512 с.

Лихачев Д.С. 1999. Концептосфера русского языка. – Лихачев Д.С. *Очерки по философии художественного творчества*. – 2-е изд., доп. – СПб.: Рус.-Балт. информац. центр БЛИЦ. – С. 147–165.

Макаренко В.П. 2009. Политическая концептология: первые итоги разработки. – *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. – № 1. – Ростов-на-Дону: СКНИИЭиСП ЮФУ. – С. 79–116. – Доступно: <https://politconcept.sfedu.ru/2009.1/06.pdf>. – Проверено: 31.03.2024.

Неретина С.С. 2010. Концепт. – *Новая философская энциклопедия*. – Доступно: <https://rospjatija.ru/node/13312>. – Проверено: 31.03.2024.

Подорога В.А. 2014. *Антропограммы. Опыт самокритики*. – М.: Логос. – 124 с.

Степанов Ю.С. 2004. *Константы: Словарь русской культуры*. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект. – 992 с.

Jameson F. 2008. Of Islands and Trenches: Neutralization and the Production of Utopian Discourse. – Jameson F. *The Ideologies of Theory*. – London; New York: Verso. – P. 386–414.